УДК 159.9.01

А. А. Федоров

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: fedorov@fp.nsu.ru

РАДИКАЛЬНЫЙ БИХЕВИОРИЗМ И ПСИХИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Статья посвящена анализу концепции личных событий в радикальном бихевиоризме. Рассматриваются их основные свойства и типология. Анализируются различия между радикальным бихевиоризмом Скиннера и логическим бихевиоризмом Райла. Приводится доказательство того, что личные события могут быть причинами поведения.

Ключевые слова: радикальный бихевиоризм, личные события, психическая реальность, логический бихевиоризм, Скиннер, Райл.

This paper deals with the concept of private events in radical behaviorism. Their basic properties and typology are examined. Differences between Skinner's radical behaviorism and Ryle's logical behaviorism are analyzed. The evidence that private events can be causes of behavior is adduced.

Key words: radical behaviorism, private events, psychic reality, logical behaviorism, Skinner, Ryle.

Внутри человека

А. Катаниа отмечал, что Скиннер «является самым признанным и самым превратно понимаемым из психологов» (цит. по: [8. С. 190]). Одним из глубочайших заблуждений относительно радикального бихевиоризма является мнение о том, что в этой системе игнорируется наличие категории сознания, чувственных состояний, душевных переживаний, словом, всего того, что мы называемым внутренней или психической реальностью. Вероятно, ни один человек, включая сторонника радикального бихевиоризма, не будет отрицать того, что любой из нас живет полноценной внутренней жизнью. Тезис Б. Ф. Скиннера состоит в другом. Он не отрицает того, что мы мыслим или чувствуем. Он отрицает то, что наши мысли имеют идеальную (не-материальную) природу. Иными словами, радикальный бихевиорист полагает, что все, что существует, включая и так называемую психическую реальность, имеет физический характер.

Вопрос о природе внутреннего мира человека крайне запутан [2]. Более того, некоторые теоретики пытаются разграничить внутреннюю, психическую и субъективную реальности [5]. В нашем исследовании мы будем рассматривать эти понятия как тождественные, понимая под психической/ментальной реальностью весь субъективно переживаемый мир индивида, который «включает мысли, чувства, фантазии и другие феномены, отражающие внешний мир» [5. С. 181].

Чтобы пояснить, что означает «ментальный», приведем ряд предикатов, свойственных тому, что называют «ментальным», предложенный С. Пристом [4]. Таковыми являются: темпоральное, личное, некорректируемое, внутреннее, единственное, свободное, активное, невидимое, непротяженное, бесформенное, интенциональное и т. д. Г. Райл отмечает, что «материальные объекты существуют в общем поле … [а] ментальные события имеют место в изолированных областях, называемых "сознаниями" (minds)» [6. С. 23]. Еще раз отметим, что в радикальном бихевиоризме отвергается онтологическая дихотомия на ментальное и материальное, но, несмотря на это, бихевиорологами разрабатывается концепция *личных событий*, которая напрямую связана с вопросом о психической реальности.

Личные события

Для бихевиорального материалиста большинство переменных, определяющих

© А. А. Федоров, 2007

поведение индивида, являются публично наблюдаемыми. Тем не менее не все переменные обязательно должны быть публичными. Вот небольшой отрывок из книги Б. Ф. Скиннера «Наука и человеческое поведение», проясняющий, о чем идет речь: «Реакция индивида на воспаленный зуб, например, непохожа на возможную реакцию любого другого человека на этот конкретный зуб, так как никто не может установить с ним контакт того же рода. События, которые имеют место в процессе эмоционального возбуждения или в состоянии депривации, часто характеризуются уникальным доступом по этой же причине. В этом смысле наша радость, печаль, любовь и ненависть принадлежат именно нам. Другими словами, в отношении каждого индивида небольшая часть вселенной является *личной*» [17. С. 257].

Речь идет, в принципе, о том, что Ричард Рорти (вероятно, вслед за Армстронгом) называет «эмпирически привилегированным доступом». Рорти пишет, ссылаясь на работу Армстронга 1968 г.: «К несчастью, Селларс не сделал заключения, которое позднее выпало сделать Армстронгу, что нет такой вещи, как “логически привилегированный доступ”, а есть только “эмпирически привилегированный доступ”» [7. С. 75]. Как мы видим, Скиннер пришел к этому выводу на 15 лет раньше Армстронга

Личные события, таким образом, обладают как минимум двумя свойствами из списка Приста. Они являются

– *личными* в плане эмпирического доступа;

– *внутренними* в том смысле, что происходят, как говорил Скиннер, внутри собственной кожи организма.

Кстати, интересно то, что если в официальной доктрине «антитеза внешнего и внутреннего подразумевается лишь в качестве метафоры» [6. С. 22], то в радикальном бихевиоризме она приобретает прямое значение [1].

Тем не менее – подчеркнем еще раз – нам не нужно полагать, что личные события имеют особые свойства, требующие введения новой субстанции и специального анализа только потому, что они не доступны более чем одному человеку. Ментальные события и личные – не одно и то же. Ментальные – не что иное, как искусственные измышления, личные же имеют физический статус. «Личные (скрытые) и публичные (открытые) события обладают однородными физическими измерениями» [8. С. 177]. Вопрос о субъективном (внутреннем) и объективном (внешнем) связан для радикального бихевиориста с привилегированным доступом к определенной части мира, а не с онтологической дихотомией.

С этого момента будем полагать, что ментальные термины традиционной психологии, которые призваны охарактеризовать психическую реальность, относятся к личным событиям.

Далее, необходимо ввести дополнительный отличительный признак личных событий. Внутри кожи индивида происходят многочисленные события (вплоть до образования эритроцитов, спермы и яйцеклеток), но личными событиями являются только те, о протекании которых индивид *может сообщить* и до определенного предела описать. В личной переписке с автором статьи Э. А. Варгас, вице-президент Фонда Скиннера (B. F. Skinner Foundation) подчеркивал, что, говоря о личных событиях, Скиннер, в сущности, подразумевал, что только человек, сообщающий о событии, находится с ним в контакте, и никто более его наблюдать не может. Иными словами, еще один признак личного события – возможность сообщить о нем [2]. В этом плане личное событие также соответствует традиционной (декартовской) доктрине о ментальных состояниях, согласно которой абсурдно полагать, что сознание не может знать о том, что с ним происходит [6]. В этом аспекте понятия, относящиеся к бессознательному в психоаналитической теории, не являются ментальными терминами ни для традиционной психологии, ни для бихевиорологии.

Личные события, как и любые другие, основаны на подкреплении. И, разумеется, личные феномены не обязательно влияют на все формы публичного поведения. А когда они все же играют функциональную роль,

[1] Укажем, что Скиннер не был последователен в этом вопросе. В одних публикациях он возражал против различения внутреннего и внешнего, в других – специально подчеркивал необходимость такого различения [8].

[2] Вопрос о том, как вербальное сообщество учит индивида сообщать о личных событиях, является предметом отдельного тщательного анализа в бихевиорологии.

она может быть понята только в свете прошлой истории подкреплений конкретного индивида.

Типология личных событий

Дж. Мур разделяет личные события на два вида [11; 12]: функционально связанные (а) с личными телесными состояниями; (б) со скрытым поведением.

Личные телесные состояния. Примером подобного личного события является боль. Обычно боль – это результат контакта с определенным родом экстероцептивной стимуляции, которая создает телесное состояние, служащее поводом *употребления термина* «боль». Для бихевиоролога причинное объяснение поведения, которое относится к стимулирующим характеристикам боли, является неполным до той поры, пока не описано то, что послужило причиной боли. Обычно индивиды ведут себя так, чтобы уменьшить или устранить боль, но иногда они могут даже не сообщать о боли, если они, например, находятся в пылу битвы или участвуют в атлетическом соревновании. Они могут сообщить о боли, если вообще сообщат, только по прошествии некоторого периода времени. Мур отмечает: «Личные события вовлекаются тогда, когда индивиды научаются вербально описывать боль, которую они чувствуют, такими терминами, как “острая” или “тупая”» [11. С. 170]. Иными словами, пока мы не научимся давать вербальный отчет о боли, она является не личным событием, а лишь функциональным состоянием организма.

В работах, посвященных философии сознания, боль часто становится примером анализа (достаточно указать Витгенштейна, Патнема и Льюиса с его знаменитой работой о безумной и марсианской боли). Различия в понимании боли в разных концепциях не являются предметом анализа данной работы, но укажем на бихевиорально-материалистическое решение проблемы, поставленной Рорти. Он придумывает Антиподов (личности без умов), которые при стимуляции С-волокон имеют те же поведенческие диспозиции, что и мы, когда испытываем боль. И тут Рорти ставит вопрос: «Содержит ли опыт Антиподов те же самые феноменальные свойства, что и наш опыт. Дает ли стимуляция С-волокон чувство боли?» [7. С. 55]. Прагматист Рорти описывает совсем уж непрагматистские, совершенно бесполезные (о чем он и сам говорит) эксперименты, направленные на поиск ответа на этот вопрос. Проблема, с позиций радикального бихевиоризма, раздута. О том, что другие люди испытывают боль, мы узнаем из их поведения (которое в данном случае идентично поведению Антиподов) и вербальных отчетов (которые различаются). Достаточно учесть влияние вербального сообщества, и проблема становится легко разрешимой. Возьмите новорожденного Антипода (который похож на нас), воспитайте в обществе землян, которые не знали бы о том, что он Антипод, и вряд ли вы усомнитесь в том, что он чувствует боль (при условии, что вы согласны, что люди чувствуют боль). В ином случае проблема переходит в плоскость: а откуда мне вообще знать, что другие люди испытывают боль? И далее в солипсистский тезис: а откуда мне знать, что другие люди вообще существуют?

Отметим еще одно обстоятельство. Витгенштейновский аргумент против личного языка подразумевает, что язык усваивается посредством подкреплений, которые продуцирует вербальное сообщество, но само вербальное сообщество не может точно знать, должно ли оно подкрепить конкретное болевое утверждение. Как пишет Витгенштейн, «о других людях имеет смысл говорить, что они сомневаются, ощущаю ли я боль» [3. С. 172]. На вопрос Витгенштейна о том, «как устанавливается связь имени с тем, что именуется» [Там же. С. 171], Скиннер указывает три способа, с помощью которых вербальное сообщество, не имея доступа к личным событиям, тем не менее порождает вербальное поведение в ответ на них. Эти способы включают (1) усвоение, основанное на публичных событиях, с последующей трансформацией в личные стимулы, основанной на публичном сопровождении, (2) сопутствующие параллельные реакции и (3) стимульную генерализацию от публичного к личному.

Скрытое поведение. «Оно возникает из того факта, что поведение может действительно происходить, но в таком уменьшенном масштабе, что не может наблюдаться другими – по крайней мере, без инструментов» [17. С. 263]. В качестве личного события этого вида рассмотрим «мышление». Скиннер определял мышление как поведение, которое производит стимулы, воздействующие на думающего, и которые связаны

с последующим подкреплением [19]. Отметим, что поведение, называемое мышлением, необязательно является личным, так же как необязательно является личным последующий ответ на произведенные стимулы. Более того, мышление не всегда является вербальным. «В критическом положении мы можем обнаружить, что несмотря на то, что мы всего лишь пассажиры на заднем сидении, мы в действительности скрыто управляем, когда начинаем открыто давить на пол, чтобы остановить машину» [11. С. 171].

Обходя в данном разделе вопрос о том, может ли скрытое поведение (и личные события вообще) быть причиной открытого (это предмет дальнейшего анализа), рассмотрим причины того, почему публичное поведение снижает свою интенсивность до личной формы.

Первая возможность связана с тем, что публичное поведение подвергается наказанию. Люди часто поощряются читать тихо («про себя»), когда чтение вслух доставляет беспокойство окружающим.

Вторая возможность связана с тем, что окружающая среда содержит только часть дискриминативных стимулов, обычно приводящих к ответу в публичной форме, что делает поведение слабым. Здесь нужно указать, что хотя обычно считается, что оперант Скиннера может быть описан в терминах двухчленной ассоциации между поведенческими элементами, называемыми ответами, и средовыми элементами, называемыми последствиями, данная цепь не может быть полной без *дискриминативного (предшествующего) стимула*. Таким образом, мы получаем трехчленную ассоциацию, которую схематически обозначим следующим образом (хотя можно привести и более подробную схему):

$$S^{Discrim} \rightarrow R_{Op} \rightarrow S^{Reinf},$$

где $S^{Discrim}$ – дискриминативный (предшествующий сигнальный) стимул, R_{Op} – оперантная реакция (поведенческий ответ), S^{Reinf} – подкрепляющий стимул. Таким образом, публичный или личный характер реакции может определяться предшествующими стимулами.

Третья возможность преобразования открытого поведения в скрытое состоит в том, что поведение является более быстрым и менее трудным в скрытой форме, особенно когда поведение находится в своих начальной (inchoate) или исходной (incipient) стадиях. Общим примером, вовлекающим все три процесса, является попытка человека решить сложную проблему. В публичном месте он может пытаться *лично* решить проблему «в своей голове». Но когда он останется один, сопутствующее вербальное поведение может заново возникнуть в открытой форме, и он может начать говорить сам с собой вслух.

Два бихевиоризма

Взгляд Б. Ф. Скиннера на личные события нужно отличать от воззрений Г. Райла.

В 1979 г. Ричард Рорти отмечал следующее: «Магическое слово Райла “диспозиция” больше не в моде, но вместо него предлагаются более современные слова типа “функциональное состояние”. Все что попахивает либо скиннеровским методологическим бихевиоризмом, либо райловским “логическим” бихевиоризмом, считается подозрительным [7. С. 158].

Упоминание Скиннера и Райла в одном контексте совсем не случайно: как указывал С. Прист, логический бихевиоризм может быть истолкован как философская легитимация психологического бихевиоризма [4], т. е. психологических концепций таких теоретиков, как Уотсон и Скиннер. Из этого неявно следует, что философским основанием бихевиорологии может являться логический бихевиоризм, а следовательно, потребность в радикальном бихевиоризме [3] отпадает. И несмотря на то, что и Рорти, и Прист вполне определенно различают концепции Скиннера и Райла [4], подобные утверждения привели к

[3] Термин «*радикальный бихевиоризм*» следует отнести скорее к теории (философии) науки, чем к самой науке, которую Скиннер назвал *экспериментальным анализом поведения*. Заметим, что не столь давно возник термин «бихевиоральный материализм» [22]. Бихевиоральный материализм является развитием классического радикального бихевиоризма. Последний термин (из-за проблем с прагматистскими, контекстуалистскими и идеалистическими толкованиями работ Скиннера [10]) *бихевиорологами* используется все реже.

[4] Так, Прист пишет о том, что практика психологического бихевиоризма совместима с различными онтологиями ментального, а потому бихевиоризм мог бы быть лучшим методом объяснения поведения, даже если дуализм сознания и тела истинен (т. е. ложен логический бихевиоризм) [4].

тому, что зачастую философская позиция бихевиорологии отождествляется с логическим бихевиоризмом или логическим позитивизмом (что истинно только для определенной части представителей анализа поведения).

Плодом работы оксфордского философа Гилберта Райла является систематическое опровержение картезианского дуализма сознания и тела. Свою концепцию он обстоятельно излагает в работе «Понятие сознания» (Райл, 1949/2000), говоря о том, что общее ее направление, вне всякого сомнения, а «также без обиды для него будет признано “бихевиористским”».

Райл называет картезианский дуализм «догмой призрака в машине». Это учение о том, что существуют и сознания, и тела, но в то время как тела являются пространственно-временными, доступными всеобщему наблюдению и объяснению с помощью законов механики, сознания лишь темпоральны и их деятельность доступна лишь для самого сознанию и объяснима с помощью загадочных немеханических законов.

Вот что он пишет об этой «официальной доктрине»: «…она совершенно ложна, причем ложна не в деталях, а в самих своих принципах. Это не просто собрание частных ошибок. Это одна большая ошибка и ошибка особого рода. А именно это – категориальная ошибка. Теория представляет факты ментальной жизни так, как если бы они принадлежали к одному логическому типу или категории (или же к ряду типов и категорий), в то время как в действительности они принадлежат к совершенно другому» [6. С. 25–26].

Поэтому очевидно, что Райл не является дуалистом. Но не является он при этом и материалистом. Необходимо, следовательно, *во-первых*, зафиксировать *онтологическое различие*. Радикальный бихевиоризм является последовательной материалистической теорией. Личные и публичные события имеют одну и ту же физическую природу. Логический бихевиоризм, хотя и постулировал, что проблема соотношения ментального и физического является ложной, тем не менее не смог последовательно придерживаться теории единого мира. Так, Рорти пишет: «…многие философы… согласились также в том, что он [Райл] оставил нетронутыми сырые ощущения, и, таким образом, предстоит еще делать выбор между дуализмом и материализмом» [7. С. 75].

В предисловии к книге «Понятие сознания» В. П. Филатов пишет о том, что Райл придерживается «слабой» версии философского бихевиоризма, которая не отрицает самого существования сознания [6]. Мур также указывает на дуализм логического бихевиоризма [11]. С. Прист пишет, что «с точки зрения сторонника дуализма сознания и тела, Райл, очевидно, допускает существование всего, кроме… чисто ментального и, возможно, духовного центра самосознания» [4. С. 84].

В любом случае, Райл не является материалистом.

Второй областью расхождения является как раз концепция личных событий как имеющих бихевиоральную сущность. Для логического бихевиориста быть бихевиоральным означает быть публично наблюдаемым, а поскольку личные события публично ненаблюдаемы по определению, они не могут квалифицироваться как бихевиоральные (поведенческие). С точки зрения Райла, события, которые ненаблюдаемы, «ненаблюдаемы потому, что они были вымышлены» [6. С. 308]. Разумеется, Райл и другие логические бихевиористы (такие, как Гемпель) пишут о мышлении и других связанных с ним темах (воображение, эмоции, воля, восприятие), однако сведение мышления к чему-то другому, нежели личные события, например, к физиологии и, в конечном итоге, физике (что предлагал Гемпель), порождает, по-видимому, неразрешимые проблемы.

Бихевиоральный материалист не испытывает особых проблем, определяя мышление как поведение, поскольку поведение не ограничено для него лишь публично наблюдаемыми событиями.

С точки зрения радикального бихевиоризма, логический бихевиоризм представляет собой теорию, называемую «методологическим бихевиоризмом». Общей установкой методологического бихевиоризма является положение о том, что только публично наблюдаемое учитывается при анализе поведения. Интересно, что при этом методологический бихевиоризм не отрицает существования недоступных стороннему наблюдателю событий, однако призывает их игнорировать и обходить [8]. Такая установка подразумевает, что мышление и вербальные отчеты не могут быть напрямую включены в науку о поведении.

Это подводит нас к *третьему различию*, касающемуся концепции вербального поведения. Логический бихевиоризм Райла трактует вербальное поведение как символическую активность, при этом ментальные термины соответственно рассматриваются как нечто, что символически репрезентирует либо публично наблюдаемое поведение, либо физиологические состояния, либо диспозиции.

Согласно радикальному бихевиоризму, вербальное поведение является оперантным поведением. Как и другие его формы, вербальное поведение может быть проанализировано в терминах контингенций, которые поддерживают его. Таким образом, научные термины (в том числе ментальные) – это не термины, которые символизируют или обращаются к другим вещам.

Коснемся также радикально-бихевиористской трактовки *диспозиций*. Согласно Райлу, человек обладает диспозицией, если ему присуща склонность вести себя определенным образом. Как пишет сам Райл, «тут утверждается только то, что он способен в случае необходимости сделать некоторые вещи или что он в определенных ситуациях склонен делать и чувствовать определенные вещи» [6. С. 122].

Скиннер однажды также употребил этот термин: «Диспозиция к выполнению поведения не является промежуточной переменной; это вероятность поведения» [21. С. 360].

Как фактор, относящийся к зависимым переменным, диспозиция, по-видимому, формируется определенными средовыми факторами: точностью дискриминативного контроля, режимом подкрепления и т. д. Проблема с диспозициональным анализом возникает в том случае, когда мы обращаемся к каузальному объяснению поведения. Если включить диспозицию в каузальное объяснение, она превратится либо в ментальную причину (например, он ведет себя так в силу своих убеждений), либо в теоретическую промежуточную переменную [11]. Таким образом, с точки зрения бихевиорального материализма, диспозиция не является пространственно-временным элементом, способным влиять на причинную связь.

Психическая причинность

Одна из самых сложных проблем в психологии заключается даже не в том, существует ли психическая реальность, а могут ли события внутреннего мира, такие как мысли и эмоции, т. е. личные события, быть причинами поведения. Столь огромное внимание, которое в радикальном бихевиоризме уделяется анализу взаимодействия организма с *внешним* миром, связано как раз с тем, что личное событие зачастую рассматривается лишь как звено в каузальной цепи, а иногда и просто как побочный продукт поведения.

Мы попытаемся обосновать то, что личные события могут быть *причинами* поведения, а потому должны стать (и это постепенно признается) предметом экспериментального анализа.

Для доказательства приведем цепочку заключений касательно лишь одного из видов личных событий.

1. Вербальное поведение является оперантным поведением [19].

2. Вербальное поведение может протекать «внутри кожи», т. е. быть скрытым поведением (личным событием).

3. Если оперантное поведение происходит «внутри кожи», оно от этого не становится менее оперантным [16].

4. Оперантное поведение может быть причиной (детерминировать) поведения [14]. В частности, Премаком экспериментально было показано, что оперантное поведение может функционировать как подкрепление, а Скиннер отмечал, что личное вербальное поведение в форме предшествующего стимула является переменной, которой можно манипулировать.

Если оперантное поведение может детерминировать поведение, а скрытое вербальное поведение является оперантным поведением, то, на наш взгляд, не может быть принципиальных возражений по поводу того, что скрытое вербальное поведение, т. е. один из видов личных событий, может детерминировать поведение. В бихевиорологии существует область, в которой изучается поведение, определяемое правилами (*rule-governed behavior*). Правила – это такие вербальные стимулы, как советы, приказы или инструкции. При этом правила могут исходить как от вербального социального сообщества, так и от самого человека (быть личными событиями). Они детерминируют поведение в том смысле, что указывают, какие формы поведения ведут к получению подкрепления

Что касается личных событий, связанных с личными телесными состояниями, то они,

скорее всего, также могут детерминировать поведение. В ходе научения ребенка у него формируются определенные контингенции между, например, состоянием боли и определенной открытой вербальной реакцией на это состояние. Следовательно, боль может продуцировать открытое поведение. Разумеется, тут возможна альтернативная трактовка. Вербальная реакция и сама боль являются двумя действиями, относящимися к одной и той же переменной (например, порез ножом). В этом случае боль, хотя и предшествует открытому поведению, не является его причиной. Но поскольку вербальная реакция все же связана именно с телесным состоянием, можно с большой долей уверенности предположить, что в этом случае личное событие является, по крайне мере, звеном в каузальной цепи.

Иными словами, на наш взгляд, личные события необходимо учитывать при изучении детерминации поведения. Нужно помнить, что «то, что ментальные события не являются причинами поведения, следует из простого отрицания разделения на физическое и ментальное, но из этого не следует, что личные события не могут быть причинами поведения» [21. С. 483].

В итоге, можно отметить, что точка зрения, согласно которой *все* причины поведения человека лежат вне организма, не учитывает существования личных событий. Бихевиористская концепция поведения человека, таким образом, должна учитывать не только публичные, но и личные события.

* * *

«За более чем шестидесятилетний период своего существования система Скиннера продемонстрировала возможности, с которыми, вероятно, ни одна другая система не может сравниться» [8. С. 190]. Но несмотря на все это, она остается одной из самых непопулярных психологических теорий. По всей видимости, это связано с общепринятым заблуждением, согласно которому человек в бихевиоризме оказывается всего лишь черным ящиком, который не способен мечтать, любить, восторгаться, строить планы на будущее и т. п. Более тридцати лет назад в своей работе «О бихевиоризме» Б. Ф. Скиннер перечислил и множество других неверных взглядов на бихевиоризм [17]. И то, что бихевиоризм безразлично относится к теплу и многообразию человеческой жизни И то, что он несовместим с творческой радостью в изобразительном искусстве, музыке и литературе, а также с истинной любовью к ближнему. И то, что он антидемократичен. И то, что он пренебрегает уникальностью каждого человека. И то, что он наивен и упрощен…

В данной статье мы пытались показать, что бихевиоризм не отрицает наличие у человека внутреннего мира. Говоря, что у человека нет души, мы не обязаны низводить его до уровня машины…

Список литературы

1. *Аллахвердов В. М.* Сознание как парадокс. СПб.: Изд-во ДНК, 2000.

2. *Вересов Н. Н., Агафонов А. Ю.* «Внутреннее» – это где? Или возможна ли неэмпирическая теория сознания? // Журн. прикладной психологии. 2005. № 2–3. С. 11–26.

3. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1.

4. *Прист С.* Теории сознания / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000.

5. *Психоаналитические* термины и понятия: Словарь / Под ред. Б. Э. Мура, Б. Д. Файна. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.

6. Райл Г. Понятие сознания / Пер. с англ. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.

7. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.

8. *Смит Н. В.* Современные системы психологии / Пер. с англ.; под общ. ред. А. А. Алексеева. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

9. *Debell C. S.* B. F. Skinner: Myth and Misperception // Teaching of Psychology. 1992. Vol. 19 (2). P. 68–73.

10. *Hayes S. C., Hayes L. J.* Some Clinical Implications of Contextualistic Behaviorism: The Example of Cognition // Behavior Therapy. 1992. Vol. 25. P. 223–249.

11. *Moore J.* On Psychological Terms that Appeal to the Mental // Behavior and Philosophy. 2001. Vol. 29. P. 167–186.

12. *Moore J.* Radical Behaviorism and the Subjective-objective Distinction // The Behavior Analyst. 1995. Vol. 18. P. 33–49.

13. *Morris E. K.* Message from the President // The ABA Newsletter. 1992. Vol. 5 (2). P. 2–5.

14. *Premack D.* Reversibility of the Reinforcement Relation // Science. 1962. Vol. 136. P. 255–257.

15. *Skinner B. F.* About Behaviorism. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1974.

16. *Skinner B. F.* Contingencies of Reinforcement: A Theoretical Analysis. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1969.

17. *Skinner B. F.* Science and Human Behavior. N. Y.: Macmillan, 1953.

18. *Skinner B. F.* The Origins of Cognitive Thought // American Psychologist. 1989. Vol. 44. P. 13–18.

19. *Skinner B. F.* Verbal Behavior. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1957.

20. *Smith L. D.* Behaviorism and Logical Positivism. Stanford, CA: Stanford University Press, 1986.

21. *The selection* of Behavior: The Operant Behaviorism of B. F. Skinner / Eds. A. C. Catania, S. Harnad. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.

22. *Ulman J. D.* Radical Behaviorism Versus Pragmatism: Paper presented at the X convention of the International Society for Behaviorology. Tampa, 1998.

23. *Vargas E. A.* Explanatory Frameworks and the Thema of Agency // Behaviorology. 1996. Vol. 4 (1). P. 30–42.

Материал поступил в редколлегию 24.05.2007